

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой мы попадаем в экономическую вселенную и задаёмся вопросом, кем была мама Адама Смита 9

ГЛАВА ВТОРАЯ

В которой нас представляют человеку экономическому, и мы убеждаемся в его чертовской привлекательности 21

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В которой становится очевидным, что человек экономический не женщина 33

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В которой мы видим, что наш пакт с человеком экономическим не такой, как мы думали 47

ГЛАВА ПЯТАЯ

В которой мы добавляем женщин и перемешиваем 63

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В которой Лас-Вегас сливается с Уолл-стрит 73

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В которой мировая экономика идёт к дьяволу 85

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В которой мы увидим, что обычный человек очень отличается от человека экономического 99

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*В которой мы видим, что экономический стимул
не так прост, как кажется* 111

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*В которой мы видим, что человек не эгоистичен
только потому, что хочет больше денег* 123

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*В которой мы убеждаемся, что один минус
один по-прежнему равно нулю* 133

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В которой все мы становимся сами себе предпринимателями 145

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*В которой мы видим, что матка —
это не космическая капсула* 155

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*В которой у человека экономического
обнаруживаются немыслимые глубины и страхи* 165

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

*В которой мы понимаем,
что у главной фабулы нашего времени пол всего один* 179

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*В которой мы видим, что каждое общество идёт туда,
куда текут его бредовые речи, и прощаемся* 189

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой мы попадаем в экономическую вселенную и задаёмся вопросом, кем была мама Адама Смита

Что там у нас на ужин? Так звучит главный вопрос экономики. Он кажется простым, но на самом деле крайне сложен.

Большинство из нас производят лишь толику того, что мы ежедневно потребляем. Остальное покупается. Хлеб ждёт нас в супермаркете, ток устремляется по проводам, как только мы включаем лампу. Но для пары буханок хлеба и одного киловатта электроэнергии требуются скоординированные действия тысяч людей по всему миру.

Нужен фермер, который вырастит пшеницу и продаст её хлебозаводу. Фабрика, которая произведёт пакеты для фасовки хлеба. Супермаркет, который купит продукцию у хлебозавода и продаст вам. Все это необходимо, чтобы во вторник утром хлеб лежал на полке, а вдобавок нужны люди, которые обеспечат фермера техникой и инструментами, доставят продовольствие на склад, займутся техническим

обслуживанием транспорта, будут поддерживать чистоту в супермаркете и клеить ценники на товары.

Процесс должен проходить правильно, регулярно и в нужное время, иначе полки в булочной станут зиять пустотой. И это касается не только каждого куска хлеба, но и каждой книги, каждой куклы Барби, каждой бомбы, каждого воздушного шарика и всего прочего, что можно купить и продать. Любое современное хозяйство устроено весьма головоломно.

Наконец, экономисты задались вопросом: на чём же всё, собственно, держится?

Экономику называют наукой о том, как консервировать любовь. Основная идея гласит: любви всегда в обрез. Даже ближнего любить хлопотно, что уж говорить о тех, кто немного дальше. Поэтому любовь следует экономить и не расходовать без толку. Если мы будем использовать её на нужды общества, то на личную жизнь ничего не останется. Найти любовь трудно, но сберечь её — трудней. Поэтому, решили экономисты, общество должно основываться на чём-нибудь другом.

Может быть, на эгоизме? Он, кажется, всегда в избытке.

Адам Смит, отец экономической теории, в 1776 году написал слова, сформировавшие современный взгляд на экономику:

«То, что мы ожидаем на ужин, появится не вследствие доброй воли мясника, пивовара или булочника, а как результат их материального интереса».

Идея Смита заключалась в том, что мясник выполняет работу, чтобы получить довольного клиента и, как следствие, деньги, а не по доброте душевной. Булочник печет хлеб, пивовар варит пиво, свечник льёт воск не для того,

чтобы порадовать людей, а ради собственной материальной выгода. Если хлеб, пиво и свечка хороши, люди их купят. Исключительно поэтому булочник, пивовар или свечник и производят свои товары. А вовсе не потому, что они беспокоятся, чтобы у народа был вкусный хлеб, свежее пиво и свечки, которые не коптят. Движущая сила — собственный материальный интерес.

Именно на него и следует полагаться. Собственный материальный интерес бесконечен. А любовь нет. Любви в обрез. На всё общество её точно не хватит, поэтому лучше законсервировать её в банке для личного употребления. Иначе будет плохо.

Загадка: сто метров длиной, ползёт, как улитка, питается одной капустой?

Отгадка: очередь в булочную в Советском Союзе.

Мы не хотим, чтобы было как в Советском Союзе.

Адам Смит рассказал, почему свободный рынок — лучшее средство для создания эффективной экономики. Он представил революционные, радикальные идеи о свободе и автономии: долой таможни и контроль! Адам Смит рассуждал так: если рынку позволить стать свободным, экономика начнёт работать, как часы, и её будет двигать вперёд неиссякаемая сила — личный материальный интерес. Каждый трудится ради собственного блага, а в результате общественность получает доступ к нужным товарам. Хлеб лежит на полке, ток бежит по проводам, а вы ужинаете.

Собственный материальный интерес каждого обеспечивает работу целого. А о том, как работает целое, думать никому не нужно, — магия. Один из самых знаменитых научных трудов нашего времени.

На ранней стадии формирования национальной экономики было очевидно, что именно личная выгода заставляет мир вертеться.

«Первый принцип экономики заключается в том, что каждый человек действует, руководствуясь исключительно собственной выгодой», — писали экономисты в конце XVIII века. Современная экономика выросла на «граните собственного интереса», и мы должны это ценить.

Экономика — это не про деньги, а про то, как мы смотрим на человека. Да, наши действия заключались в извлечении личной выгоды в определённой ситуации. Вернее, любой ситуации и со всеми вытекающими последствиями. Именно это по-прежнему служит отправной точкой всех базовых экономических теорий. Говоря об «экономическом мышлении», мы и сегодня подразумеваем, что люди поступают так, а не иначе, потому что им это выгодно. Портрет не слишком лестный, зато точный. А если вы намерены сделать что-либо, то лучше исходить из реальности. Мораль описывает мир таким, каким мы хотели бы его видеть, а экономисты рассказывают, как наш мир устроен в действительности. По крайней мере, они сами это часто повторяют.

Больше ничего знать не надо. Так и живём, общество поддерживается — невидимой рукой, и в этом заключается великий парадокс.

И, как известно, с парадоксальными заявлениями к нам всегда обращается Бог.

«Невидимая рука» — самое известное понятие экономики. Адам Смит сформулировал, а экономисты взяли в оборот. Невидимая рука касается всего, управляет всем, есть во всём, решает всё, но ты её не видишь и не слышишь.

Она появляется не сверху и не извне, а изнутри — и вращает систему. Подобный ход мысли стал мейнстримом в современной экономике, но не был таковым во времена Адама Смита. В своём «Исследовании о природе и причинах богатства народов» отец экономической теории упомянул это понятие всего один раз, но сейчас именно оно считается фундаментом национальной экономики и её в высшей степени специфической вселенной.

За столетие до того, как Адам Смит поведал миру об этой невидимой руке, англичанин Исаак Ньютон опубликовал труд *Philosophia Naturalis Principia Mathematica*. Астроном, математик, естествоиспытатель и алхимик, Ньютон объяснил, какие силы движут Луну по орбите, разобрался с траекториями небесных тел и гравитацией и понял, почему на землю падают яблоки — потому что на них действует та же сила тяготения, коей объяты все небесные тела.

Ньютон даровал нам современную науку и совершенно новый взгляд на существование.

В то время математика считалась божественным языком, ведь именно она позволила Богу сделать «книгу природы» доступной для человека. Бог дал нам математику, чтобы мы смогли понять Его творение. А открытия Исаака Ньютона опьянили мир. И в первую очередь, Адама Смита и растущую национальную экономику.

Законы солнечной системы, ранее одному Богу известные, теперь постигались научным методом. Картина мира менялась. Прежде Бог во всё вмешивался, навязывал свою точку зрения, наказывал, делил моря, двигал горы и каждый день собственоручно раскрывал бутоны миллионов цветов. Теперь Он считался отсутствующим, а вселенная — часами,

которые Он собрал и завёл, но которые теперь тикают сами по себе.

Отныне мир стал аппаратообразным устройством, чертвой пьесой, грандиозным представлением, части которого вращаются, точно детали механизма. Интеллектуалы начали всё сильнее верить, что точно так, как Ньютон объяснил движение планет, можно объяснить и всё остальное. Исаак Ньютон разгадал законы природы — значит, и истинные планы Бога в отношении этого мира. Точно так же, думал Адам Смит, можно разгадать законы природы общества — значит, и истинные планы Бога в отношении общества.

Если механика есть в природе, то и в социальной системе она тоже должна быть.

Если есть законы для небесных тел, то и для человеческих они тоже должны быть. И для них следует найти научную формулировку. Нам бы только понять их, и мы приспособим общество под эти законы, заживём согласно истинным планам, поплыvём *вместе с силами*, а не *против* них и к тому же будем всё понимать. Общество надо превратить в безостановочный часовой механизм, тикающий наилучшим для нас образом.

Именно такая задача всталла перед Адамом Смитом и экономической наукой. Задача, скажем прямо, не из лёгких. Как достичь естественной гармонии?

Силой, выполнявшей в общественной системе такую же функцию, что и гравитация в солнечной системе, был объявлен личный интерес.

«Я могу рассчитать движение небесных тел, но не людское безумие», — открыто возражал Ньютон. Но его не слушали. Считалось, что Адам Смит тоже разгадал истинный план: его система естественной свободы изображалась как естественное же зеркальное отражение ньютоновой физики.

Если хочешь что-то понять — разбери это на части. Вот вкратце научный метод, которым пользовался Ньютон. Раздели на части целое. Не понял? Тогда дели дальше. В конце концов ты найдёшь наименьшую часть, на которую делится целое. Основополагающую деталь Lego, из которой всё построено. Элементарную частицу. Атом. Минимальную составляющую. Потом изучишь её. Поймёшь её — поймёшь всё.

Каждое изменение целого обусловлено не тем, что изменились частицы — на них никогда не влияет то, что с ними происходит. Перемена — это всего лишь новый узор, в котором они себя организуют. Их движением управляют законы природы. Мир логичен как часы.

Такой же трюк захотели проделать экономисты. Хочешь понять экономику — разбери её. Разбей на части все те сложные скоординированные процессы, которые нужны, чтобы в какой-нибудь вторник бифштекс лежал в лавке мясника. Не понял — разбирай дальше. Части становились всё меньше, и в итоге экономисты нашли минимальную составляющую, на которую можно разделить целое. И назвали её «индивиду».

Поймём индивида — поймём всё, думали они. Так же, как физик того времени углублялся в изучение неделимых атомов, растущая национальная экономика изучала независимых индивидов. Общество — это всего-навсего сумма индивидов. Экономика меняется не потому, что изменился индивид — его сущность не зависит от других. Но он должен делать выбор. И каждая перемена — это всего лишь новый узор, в котором индивид организует себя, новый выбор, сделанный им относительно других. И хотя им никогда не встретиться, они взаимодействуют, словно бильярдные шары. Но сознание индивида, о котором никто,

кроме него самого, ничего сказать не может, остаётся неизменным.

Дальше — тишина.

Величайшее достижение Адама Смита заключалось в том, что он с самого начала ухитрился утрамбовать растущую национальную экономику в физическую картину мира — логичную, рациональную, предсказуемую. Именно такой тогда считалась физика. Это было до того, как время и пространство слились в неделимый континуум пространство-время. До того, как выяснилось, что каждый акт измерения вселенной приводит к её расслоению на столько же частей, сколько получено результатов измерения. Но современная физика экономистов не особенно волнует. Они всё ещё пялятся на звёздное небо Ньютона.

Был ли у Бога выбор? — часто спрашивал себя отец современной физики Альберт Эйнштейн в начале XX века. Существовала ли какая-либо неведомая пока альтернатива физическим законам? Другой способ действия? Современники-экономисты об этом задумываются редко. Они уверены в себе. Экономическая теория — это «система общих положений, правильность и важность которых может поставить под сомнение только невежда или упрямец», — писал британский экономист Лайонел Роббинс в 1945 году. Отсутствие альтернативы и есть плюс. Рынок живёт в самой природе человека. И, раз экономисты изучают рынок, они изучают человека.

В былые времена короли нанимали советников, которые предсказывали будущее по узорам на внутренностях мёртвых животных. Советники изучали цвет и форму потрохов, чтобы проинформировать властителя о возможной реакции богов на то или иное политическое решение. Одну

только овечью печень этруски древней Италии делили на шестнадцать частей. С тех пор мир изменился. Сегодня роль таких советников играют экономисты. Они стараются более или менее точно предсказывать, как прореагирует рынок на то или иное запланированное политиками решение.

Многие из нас хотят жить при рыночной экономике, но не в рыночном обществе. Однако мы уже знаем, что придётся выбирать и то и другое. По словам Фиделя Кастро, единственное, что хуже эксплуатации вас мультинациональным капиталом, это когда мультинациональный капитал вас не эксплуатирует. И Фидель Кастро, пожалуй, прав.

«Альтернативы нет», — заявила Маргарет Тэтчер. Считается, что у капитализма (во всяком случае до финансового кризиса 2008 года) получилось то, что не удалось мировым религиям: объединить человечество в едином порыве — на глобальном рынке.

Рынок может решить, сколько должно стоить железо, а сколько серебро, каковы потребности человека, сколько следует платить няням, пилотам и директорам, сколько стоит помада, газонокосилка и удаление матки. Рынок определяет, во сколько обойдётся банкротство инвестиционного фонда, созданного на средства американских налогоплательщиков (семьдесят миллионов долларов в год), и сколько надо заплатить тому, кто будет держать ангельскую руку девяностолетней старушки, пока та совершаєт семьсот финальных вздохов перед смертью в благополучной Скандинавии (96 крон в час).

Адам Смит точно знал — он ужинает не потому, что нравится мяснику и булочнику, а потому, что они удовлетворяют свои интересы посредством товарообмена. Именно личный интерес подавал ужин Адаму Смиту.

Или нет? Кто на самом деле ставил на стол тарелку с бифштексом?

Адам Смит не был женат. Большую часть жизни отец национальной экономики прожил с матерью. Она занималась хозяйством, а денежные дела Адама Смита вела его кузина. Когда Смит стал таможенным комиссаром в Эдинбурге, мама переехала туда вместе с ним. Всю жизнь она заботилась о сыне, она и есть та часть ответа на вопрос об ужине, которую Адам Смит в расчёт не принимал.

Чтобы во времена Адама Смита мясник, булочник и пивовар смогли пойти на работу, требовалось, чтобы их жёны, матери или сёстры час за часом, день за днём следили за детьми, прибирали в доме, готовили еду, стирали одежду, утирали слёзы и выясняли отношения с соседями. Как на рынок ни взгляни, там всегда найдётся другая экономика. Но мы редко о ней говорим.

Одннадцатилетняя девочка, которая каждое утро проходит пятнадцать километров за дровами для семьи, играет большую роль в экономическом развитии своей страны. Но её работа не считается. Для экономической статистики девочка невидима. При подсчёте ВВП, определяющего общую экономическую активность страны, эта девочка не учитывается. Считается, что её действия не имеют значения для экономики и для прироста. Рожать и воспитывать детей, сажать сады, готовить еду братьям и сёстрам, доить корову, шить одежду или заботиться об Адаме Смите, чтобы он смог сочинить своё «Исследование о природе и причинах богатства народов», — в стандартных экономических моделях «продуктивной работой» всё это не считается.

И невидимая рука без труда нащупывает невидимый пол.

Французская писательница и феминистка Симона де Бовуар называла женщин «вторым полом». Мужчина идёт

первым, он считается. Он определяет мир, а женщина — вторая, женщина — это всё, что не он, но то, от чего он зависит, и то, что позволяет ему быть собой. Быть тем, кто считается.

И, наряду со «вторым полом», существует «вторая экономика». Работа, которую традиционно выполняют мужчины, считается. Она определяет экономическую картину мира. Работа, которую выполняют женщины, — «вторая». Это то, что мужчина не делает, но от чего он зависит, ведь иначе он не сможет сделать свою работу. Ту, которая считается.

Адаму Смиту удалось ответить лишь на половину основного вопроса экономики. Ужин на его столе появлялся не только потому, что торговцы удовлетворяли собственный интерес посредством товарообмена. Ужин на его столе появлялся в равной степени и потому, что об этом каждый вечер заботилась его мать.

Сегодня мы можем сказать, что в основе экономики не только «невидимая рука», но и «невидимое сердце». Это, пожалуй, слишком идеализированное описание обязанностей, которые общество исторически возлагало на женщин. В действительности мы не знаем, почему мать Адам Смита заботилась о сыне.

Мы знаем лишь, что она это делала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В которой нас представляют человеку экономическому, и мы убеждаемся в его чертовской привлекательности

Автор книжек о Винни-Пухе Алан Александр Милн как-то заметил, что детей особенно восхищают сказки о необитаемых островах. Рассказы о людях, выброшенных на пустынный берег нового изолированного мира, дразнят их воображение совершенно по-особому.

Милн объяснял это тем, что изолированный остров обеспечивает ребёнку максимально эффективный побег от действительности. Мамы нет, папы нет, сестёр-братьев нет; привычные семейные обязанности, долг, конфликты и иерархические игры исчезли. Мир нов, с иголочки, он проще и чище. Ты один, и ты свободен, на песке только твои следы. И, главное, в этом мире ребёнок может делать всё, что захочет. Даже захватить трон и объявить себя богом солнца.

Экономисты тоже немного дети. И многие из них просто одержимы Робинзоном Крузо. Большинству тех, кто

изучал экономику, доводилось слышать, как профессор в той или иной форме пересказывает роман, написанный Даниэлем Дефо в 1719 году. Удивительно, что из повествования о белом расисте, который прожил на необитаемом острове двадцать шесть лет, после чего подружился с дикарем Пятницей, можно почерпнуть что-то полезное для современной экономики.

Но если вас это удивляет, то вы ничего не смыслите в национальной экономике.

Потерпевший кораблекрушение герой Даниэля Дефо — образцовый человек экономический. Крузо выброшен на необитаемый остров, где нет ни социальных кодов, ни законов. Преград нет, можно действовать исключительно из собственных интересов. На острове движущая экономическая сила изолирована от всего остального, что и превращает Крузо в наглядное пособие для экономистов.

На рынке мы все анонимы, именно это и делает нас свободными. Неважно, кто ты. Личным качествам и эмоциональным связям здесь не место. Только платежеспособность имеет значение. Выбор, который встаёт перед человеком, свободен и независим, у нас нет связей и прошлого, мы — острова в пустынном океане. Нас никто не судит, не связывает, не тянет назад. Единственное ограничение носит технический характер: конечность часов в сутках и ресурсов в природе. Робинзон Крузо свободен, а его отношения с другими людьми строятся только на том, что они могут ему дать.

Он поступает так не со зла, а исключительно из рациональности, книга повествует именно о рациональности.

Герой романа рождается в Йорке, в Англии. Отец торговец, в семье есть еще два старших брата. Первый

погибает на войне, второй исчезает. Робинзон изучает юриспруденцию, но благополучие английского среднего класса его не привлекает. И он садится на корабль, отправляющийся в Африку. После нескольких вояжей он оказывается в Бразилии. Там затевает дело, и вскоре становится хозяином процветающей плантации, богачом. Но ему все мало. За рабами в Африку отправляется корабль, и Робинзон Крузо восходит на борт этого корабля. Корабль идет ко дну, а Робинзона Крузо выбрасывает на ближайший необитаемый остров.

Приключения начинаются.

Много лет Робинзон проводит в изоляции, в обществе пары животных. На берегу орудуют «дикари» и людоеды. В параллельных столбцах дневника Робинзон Крузо фиксирует не только деньги и материалы, но и удачи и неудачи.

Да, он, конечно, на необитаемом острове — но он жив.

Он, конечно, вдали от всех — но он не голодает.

Конечно, нет одежды — но климат прекрасный.

Для каждой ситуации Робинзон логически подсчитывает пользу. И остается вполне доволен. Он свободен от обязательств, зависти, гордыни. Свободен от других людей. Он с восторгом констатирует, что может делать всё, что заблагорассудится. Может провозгласить себя императором или королем острова. Вот так удача! Никаких отвлечений, никаких телесных потребностей, можно полностью сосредоточиться на владении и контроле. Остров принадлежит ему, и он должен контролировать природу.

Роман о Робинзоне Крузо часто трактуют как историю об изобретательности и предприимчивости индивида. Робинзон возделывает кукурузу, лепит горшки и доит коз. Отливает свечки из козьего жира, а фитиль изготавливает

из сушёной крапивы. Но маленький единоличный социум выстраивается, и не только благодаря находчивости Робинзона. В действительности он тринадцать раз наведывается на разбитый корабль за материалами и инструментами. Именно это помогает ему одержать власть над природой, а со временем и над людьми.

Материалы и инструменты сделаны другими, пусть даже эти другие далеко. И Робинзон Крузо в высшей степени зависит от их работы.

На двадцать шестой год жизни на острове Робинзон сталкивается с местным жителем. Робинзон спасает его от людоедов и называет в честь дня их встречи. Благодарность Пятницы безгранична. Он любит Робинзона, как дитя, и работает на него, как раб. Пятница, который и сам людоед, хоть и скучает по человечине, но на Робинзона как на еду не покушается.

Почти три года они живут душа в душу, в полном и безоглядном, судя по описаниям Даниэля Дефо, счастье. А потом их находят и возвращают в Европу.

Вернувшись в Лиссабон, Крузо обнаруживает, что неслыханно богат. Бразильская плантация, которой управляли его работники, пока Крузо отсутствовал, принесла большие барыши. Робинзон продаёт свою долю, женится и обзаводится тремя детьми. Потом жена умирает. Все эти события — брак, дети и смерть — описаны в романе одним предложением.

После этого Робинзон Крузо снова уходит в море.

Ирландский писатель Джеймс Джойс описывал Робинзона как олицетворение «мужественной независимости, безответной жестокости, неторопливого, но деятельного ума, сексуальной вялости, искренней и уравновешенной религиозности, расчетливой скрытности».

Робинзон Крузо изолирован, экономисты любят изолировать людей. Переживший кораблекрушение, на необитаемом острове, он позволяет нам представить, как будет действовать человек, лишённый окружающего мира. Большинство стандартных экономических моделей ориентированы именно на это. *Ceteris paribus*, проповедуют профессора экономики на латыни. «При прочих равных условиях». Надо изолировать отдельную переменную внутри экономической модели, включающей в себя несколько переменных, иначе никак. Мудрые экономисты всегда осознавали проблематичность такого отношения, но при этом продолжали искать основы «экономического мышления». Чтобы принимать мир в расчёт, его следует упростить, и на полюсе, где находится Адам Смит, было принято именно такое упрощение.

В книге Робинзон Крузо быстро обзаводится хозяйством. Он обменивает и продаёт, несмотря на то, что на острове нет денег — цена на товары определяется спросом.

Принцип определения цены исходя из спроса часто иллюстрируют ещё одной историей о необитаемом острове, на котором оказались два человека.

Итак, на пустынном острове двое: у одного мешок риса, у второго двести золотых браслетов. Дома на материке мешок риса можно купить за один золотой браслет, но герои не на материке. Они на необитаемом острове, и цена товаров изменилась.

Человек с мешком риса может внезапно потребовать все двадцать браслетов за одну порцию. А может вообще отказаться от обмена. Потому что зачем ему на острове золотые браслеты? Экономисты обожают подобные истории. Рассказывая их, они кивают головами с таким видом,

словно только что раскрыли глубочайший секрет устройства человека.

И их стандартные модели не допускают, что два человека на необитаемом острове могут вдруг разговориться, почувствовать себя одинокими, испуганными, понять, что они нужны друг другу. В разговорах может выясниться, что они оба в детстве ненавидели шпинат, или что у обоих были дяди — запойные алкоголики. Поразмышляв, они, вероятно, поделят запасы риса. Неужели такая реакция человека не имеет никакого экономического значения?

Герои рассказа выброшены не на пустынnyй остров. Для начала они выброшены в самих себя. Они одинокие, изолированные, способные взаимодействовать друг с другом исключительно посредством торговли и конкуренции, воспринимающие окружающий мир исключительно как непрерывный товарооборот: только купить, обменять и продать с максимальной выгодой.

Робинзон Крузо — это прежде всего образец человека экономического. *Homo economicus* — основа всех известных экономических теорий. Национальная экономика велела изучать индивида, отсюда возникла потребность составить упрощенную схему действий для него. Так родилась модель человеческого поведения, которая определяет наше экономическое мышление.

И ещё — Крузо невероятно харизматичен.

Всякому, кто изучал национальную экономику, известна сказка о человеке, который ушёл бродить по свету в поисках максимальной возможной выгоды с учётом исходных условий и препятствий, встреченных им на пути. Этот сюжет, пусть упрощённо, подходит любому: и женщине, и мужчине, и богачу, и бедняку, независимо от культуры и религии, рук и ног. Человек экономический стремится в каждом из нас

отыскать чисто экономическое сознание. То, что формулирует желания, а затем пытается их удовлетворить. Он рационален, руководствуется здравым смыслом, не делает ничего, что делать не должен, а если и делает, то только чтобы получить удовольствие или избежать боли. Он всегда берёт всё, что может, и делает всё, чтобы переиграть, обхитрить, а в финале даже уничтожить тех, кто стоит у него на пути.

Стандартные экономические модели утверждают, что по сути мы все именно такие. По крайней мере, та часть нас, релевантная экономически. Именно эту нашу часть экономисты и изучают. Основная человеческая черта — не-желание ограничений. Всё, сейчас и немедленно. А если нельзя получить всё, что хочешь, приходится выбирать. Выбор — порождение скучности.

Выбор предполагает альтернативные расходы, утраченную выгоду от невыбранных возможностей. Если ты выбрал один путь, то одновременно идти другим путём не можешь. У человека экономического есть ряд преференций. Если он хочет тюльпаны, а не розы, и розы, а не ромашки, то это означает, что он предпочитает тюльпаны ромашкам. И он всегда инструментально рационален — он выбирает наименее дорогой путь достижения цели.

Мы осознаём, чего хотим, а потом действуем, чтобы получить желаемое. Рассчитываем самое короткое расстояние между пунктом А и пунктом Б, или то, как можно получить больше и дешевле, — вот о чём речь. Вы решаете, чего хотите и в каком порядке. Я решаю, чего хочу и в каком порядке. Потом мы пытаемся это добыть. На старт, внимание, марш! Жизнь начинается и заканчивается также. Покупай дешево, продавай дорого.

Главное достоинство человека экономического — его предсказуемость. Поэтому все его проблемы можно